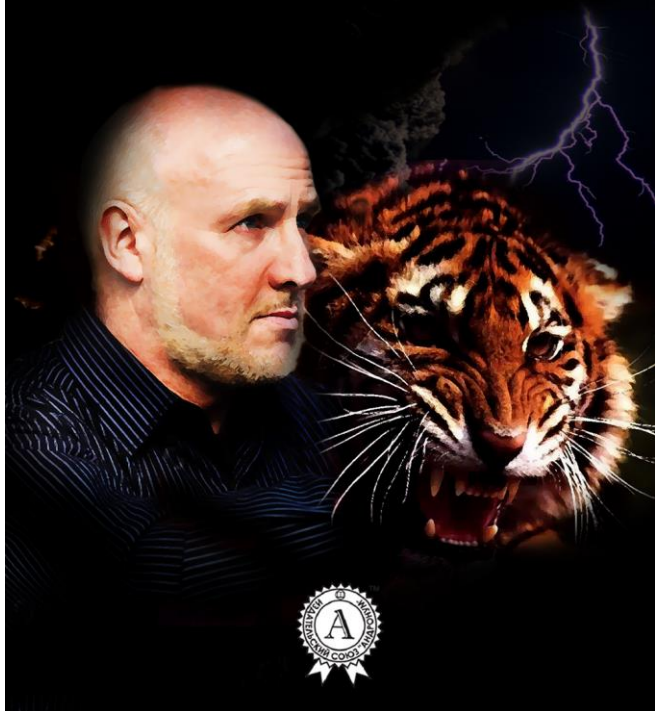

НАТАЛЬЯ ТИМАЧЕВА

ОСВОБОЖДАЮЩИЙ
КРИК

Рон Митчелл убил дважды, но он не убийца, действующий по холодному расчету или в маниакальном бреду. К убийству его ведет подсознательная логика, выстроенная на идее не искупленного греха. Рон это чувствует душой, но разум не дает ответа на вопрос, когда, где, как он совершил проступок, превративший его жизнь в ад.

С решительным настроем раскрыть тайну своих преступлений Рон обращается за помощью к успешному психиатру Мартину Гиббсу, практикующему в зыбком пограничье духовного и материального миров. Но надежды обоих рушит неудача. Риск нового убийства возрастает с каждым днем. Мартин предлагает неординарный выход — подчинить подсознание Рона другой логике действий в тот момент, когда он должен будет убить. Шанс зыбок, но Мартин уверен в своей гениальности, а Рон в Мартине. Оба не знают о ключевом звене, которое непредсказуемо повернет ситуацию в самый пик ее развития.

Наталья Тимачева

Освобождающий крик

Глава 1

Свое первое убийство Рон Митчелл совершил в четырнадцать лет. Арест, допрос, психологи с истязающими вопросами — один очкастый, другой — лупастый, суд, приговор, камера...Прошедшие годы так и не рассеяли туман над событиями того странного дня. Много раз Рон метался в сумрачном облаке воспоминаний, пробиваясь к влекущему просвету истины, но каждый раз его путь к ней обрывался в черном провале памяти.

* * *

Семья Митчеллов жила в маленьком провинциальном городке, несколько улиц которого с одной стороны замыкала церковь, с другой — швейная фабрика. Улицы без названия жители городка различали по присутственным местам. На средней и главной находилось здание городской власти, на улице по одну сторону от главной — пара магазинов, небольшой ресторанчик и прачечная, по другую — школа и пекарня с булочной. Семья Митчеллов в составе супругов

Сэмюэля и Лизы и двух сыновей — старшего Рона и младшего Дэна — жила на улице со школой и на неискушенный взгляд представляла собой стандартный образец семейного счастья.

Муж и отец Сэмюэль Митчелл — менеджер среднего звена на фабрике. Он высок, статен и строг от стрижки волос до пуговиц на пиджаке. Взгляд его светлых глаз на волевом лице всегда тверд от уверенности в правильном понимании жизни. Жена и мать Лиза Митчелл — прилежная домохозяйка, тихая, уступчивая, с тугим узлом каштановых волос на затылке и мягким взглядом карих глаз. Оба сына супругов Митчеллов на хорошем счету в школе. Рон, высокий, красивый, светлоглазый и светловолосый, с отличными физическими данными занимается во всех спортивных секциях, на которые хватает светового дня. Он — ударная сила школьной команды во всех соревнованиях по всем видам спорта и вожденная мечта ровесниц. Дэн больше похож на мать: среднего роста, кареглазый, темноволосый, тоже спортивен, но больше увлечен математикой. Дэн запросто решает задачки, которые не по зубам даже зазнайке Кэт.

Правда, парадная скатерть, как водится, скрывает зазубрины и выбоины старого деревянного стола. Изнутри жизнь в семье Митчеллов отличалась от своей благолепной

наружности. Отец был слишком строг к детям, а те, словно в отместку, дразнили его своими шалостями. Властный характер Сэмюэля Митчелла уже давно подавил волю Лизы и с методичностью запущенного в работу механизма утрамбовывал неровности и шероховатости характеров Рона и Дэна. Но сыновья оказались неподатливым материалом. Каждое наказание отца только раззадоривало горящий в детях огонь противления. Однако при всей крутости нрава Сэмюэль Митчелл свято придерживался правила наказывать сыновей только за очевидный проступок. Если у разбитой посуды или кошки в индейском раскрасе не был обнаружен ни один из сыновей, никто из них не подвергался наказанию. Рон и Дэн без зазрения совести эксплуатировали эту черту отцовского характера, каждый раз успевая вовремя скрыться с места причинения ущерба хозяйству или стресса домашним питомцам. Лизе оставалось лишь с нарастающей тревогой наблюдать за этим негласным соревнованием между отцом и сыновьями. Ни тот, ни другие не хотели ничего менять в этих криво складывающихся семейных отношениях. Отец — в силу возраста и впитанных за годы жизни убеждений, сыновья — в силу детского недомыслия и природной склонности к озорству.

Дэну было десять, когда он, заметая следы

очередной шалости, поскользнулся на лестнице и упал, сильно ударившись головой о пол. Три дня Дэн был без сознания, а когда очнулся, не сумел вымолвить ни слова. Вместо слов изо рта Дэна вылетали лишь гортанные звуки. Врачи успокоили Сэмюеля и Лизу, сославшись на последствия сильнейшего стресса и травмы головы. По их словам, кровоизлияние произошло в месте расположения речевого центра. По мере рассасывания гематомы речь начнет потихоньку восстанавливаться и в итоге возвратится полностью. Но вопреки прогнозам врачей Дэн не заговорил ни через месяц, ни через год, ни через два. Он стал немым. Много раз Рон видел, как Дэн, стоя перед зеркалом, отчаянно кривил рот, пытаясь заставить его произнести слова, которые некогда формировались с такой непостижимой легкостью. Лицо Дэна в такие минуты превращалось в жуткую двигающуюся гримасу. Каждый раз, когда Рону случалось заставить брата за подобными упражнениями перед зеркалом, он спешил уйти, ощущая в душе холодный ужас.

Этот нелепый случай сильно изменил семью Митчеллов. Отец с матерью как-то враз состарились, Дэн с Роном повзрослели. А через два года Рон убил Фила Кренстона — школьного товарища и брата зазнайки Кэт.

Глава 2

— Что, Рон, до скорого или как? — толстый Боб гоготнул, и его необъятный живот затрясся железной дрожью. Это был второй срок Рона. Волей обстоятельств, оба раза именно Боб Эванс принимал вещи Рона перед заключением в камеру и выдавал обратно при освобождении. Оба от юности до зрелости провели в тюрьме, только по разные стороны забора с колючей проволокой. Рон взглянул на Боба хмуро, но без злобы.

— Больше не увидимся, — сурово произнес Рон, перекидывая через плечо сумку. Задержав взгляд на животе Боба, добавил, — смотри, не лопни.

— Я второй день на диете, — неуверенно хохотнул Боб, подняв бутылку кефира, — так тебя не ждать? — моргнул он глазами такими же круглыми, как живот.

— Прощай, Боб.

Дверь за Роном гулко захлопнулась. Тяжело поднявшись, полицейский подошел к окну. «Парень, похоже, не шутит», — подумал Боб, глядя вслед удалявшемуся Рону и почесывая привычным жестом главную тюремную достопримечательность.

Рон ни разу не оглянулся. Сейчас он вышел не только из тюрьмы, он вышел из жизни, в которую

не собирался возвращаться. Рон знал, что должен действовать стремительно. У него нет времени на счастливую влажность глаз при созерцании свободного простора. Рон шел очень быстро. Со стороны он казался по горло занятым человеком, день которого расписан по минутам. Никому и в голову не могло прийти, что этот целеустремленнодвигающийся мужчина всего несколько часов назад досчитал свои семнадцать пустых лет тюрьмы.

Поворот, еще поворот. Через десяток минут Рон стоял перед стендом с расписанием движения поездов, еще через несколько минут был на перроне. Сжимая в кармане билет, Рон проходил вагон за вагоном в набирающем скорость поезде. Много, слишком много людей. Он не может рисковать. Все должно идти точно по плану. В последнем вагоне было свободнее. Рон прошел в конец салона и, заняв последнее место у окна спиной к остальным пассажирам, устало закрыл глаза. Пока все хорошо. Он должен успеть...

* * *

Осторожными шагами Рон идет по узкому темному коридору на звучащие впереди нечеткие голоса. Остановившись, он затаил дыхание и прислушался. Голоса переливаются знакомыми интонациями, но Рон никак не может понять, кому

они принадлежат. Шаг, еще шаг. Дверь, очерченная по периметру внутренним светом, становится все ближе и ближе. За ней по-прежнему звучат голоса. Они говорят о чем-то важном для Рона, и он должен это узнать! Рон подходит ближе, но голоса не становятся громче! Рон уже под дверью, он прижимается к ней всем телом, но голоса звучат все так же неразборчиво тихо. Рон берется за ручку и рывком дергает дверь, но она заперта изнутри. Он не может ее открыть! Еще, еще раз. Дверь подобно неподдающейся глыбе не пускает Рона на сторону тайны звучащих голосов. Нет, он не сдастся. Он откроет эту чертову дверь! Он дергает ручку двумя руками. Он упирается ногами в стену и снова дергает. Еще рывок, еще сильнее. Ручка двери отрывается, и Рон кубарем отлетает назад в черную пустоту коридора...

Рон медленно открыл глаза. Стена поезда покачивалась и подрагивала. За окном спокойно угасал день. Рон снова сомкнул веки. Он уже давно не боялся этого сна. Страх ушел, когда однажды проснувшись среди ночи он вдруг понял, что за этой дверью — надежда на спасение его проклятой души. Станный сон приснился Рону через несколько месяцев после убийства Филадельфия Кренстона. Тогда к дверной ручке тянулась тонкая рука подростка. Затем он пытался открыть дверь рукой юноши, и вот уже почти двадцать лет дверь не

поддается руке взрослого мужчины. Во сне Рон всегда находился в том же возрасте, что и наяву. Именно эта особенность сна не давала Рону отчаяться в его надежде на спасение. Вот и сейчас Рон подумал о том же, о чем каждый раз думал после пробуждения — его время еще не пришло. Может, он должен повзрослеть еще на пару лет или теперь уже состариться?

Почувствовав около себя движение, Рон приоткрыл глаза и скосил взгляд. Большой грузный мужчина, видимо, принял окончательное решение занять свободное рядом с Роном место. Поскрипывая то ли новыми ботинками, то ли старыми костями, он аккуратно составил в ряд у стены свои котомки и грузно приземлился рядом. Рон продолжал наблюдать за соседом. На дряблом лице мужчины в такт ритмичным колебаниям вагона подрагивал волосок на крупной бородавке, броско выступающей на левой щеке. «Особая примета», — машинально отметил про себя Рон. За бородавкой взгляд Рона зацепили большие руки в рытвинах глубоких морщин. На толстых пальцах выделялись жесткие желтые ногти. Скорее всего, это руки фермера, знавшего много праведного труда. Мысль о том, какую жизнь прожил этот человек, соскользнула со взгляда Рона в канал морщинки и заскользила во времени в направлении, обратном ходу поезда и течению дня.

Рон легко представил своего попутчика без груза тяжелых сумок и прожитых лет. С детства его жизнь уложилась в правильные рамки, отсекающие любые излишества. Из детства с умеренной избалованностью он перешел в школьный возраст, став учеником средней степени прилежности. Эмоциональный накал подросткового взросления не превысил предельной шкалы и к положенному сроку спал до состояния психической устойчивости. После школы прямой дорогой он отправился в сельскохозяйственный колледж, после которого по ней же вернулся домой. В итоге вырос благодарный сын без тени сомнения в своем предназначении — продолжать отцовское дело. Вот отец и сын на поле — осматривают молодые всходы, вот в коровнике — оба довольны надоями молока, вместе на грузовике — везут урожай на ярмарку. Все в жизни этого человека происходило с предсказуемостью чисел в календаре: женитьба, первенец, новый трактор, второй сын, первая дочь, кредит на покупку голландской коровы. В положенное время он принял от отца ферму и управление семейным бизнесом. В работе от зари до зари бежали годы и вот он — заветный день! Вместе с отцом на весеннее поле вышел старший сын...

Рон резко зажмурил глаза, словно по ним полоснул яркий луч солнца. Нет, больше об этом

думать нельзя, слишком опасно. Открыв глаза, Рон устремил взгляд в окно. Приметы ландшафта прочили приближение станции. Сосед по скамье протяжно зевнул и поерзал затекшими частями тела, заставив Рона вновь повернуть голову. Старик продолжал дремать с выражением лица человека, наконец-то присевшего отдохнуть. Сидеть — слово-кошмар для Рона — для его попутчика не означало ничего, кроме отдыха. Они сидели так близко, что ощущали исходящее друг от друга тепло, и только Рон знал, как теплое безразличие может внезапно остыть до безжалостной ярости. Мысли о жизни случайного попутчика снова навязчиво полезли в голову. Рон отчетливо осознавал, что в действительности он думает не о сидящем рядом старике, а о себе, о том, как могла бы сложиться его жизнь, какой могла быть его семья, и что он в этом поезде мог бы ехать совсем с другой целью. Интересно, сумел бы он стать фермером? Рон представил себя в синем комбинезоне на тракторе посередине поля переливающейся пшеницы. На левую щеку настойчиво лезла большая волосатая бородавка...

Попутчик Рона шумно вздохнул, с упором на колени тяжело поднялся. Собрав сумки, старик, не взглянув на Рона, вышел из вагона в тамбур. Поезд дрогнул и остановился, вызвав у встречающих на перроне оживленную артикуляцию и

жестикуляцию. Глядя в окно, Рон с нетерпением ждал появления фермера, не зная, чего ему хочется больше — подтверждения или опровержения вымышленной для него судьбы. Как только старик вышел из поезда, из толпы встречающих отделился среднего возраста мужчина. Из-за его спины выпрыгнула девчонка лет шести, вдогонку за ней мальчишка-подросток. Крупная бородавка на щеке мужчины не оставляла сомнений в прямом родстве. Пока старшие обнимались и перецеловывались, внучка, обнаружив в одной из сумок конфетно-шоколадное содержимое, немедленно приступила к его извлечению. Дед с шуточной укоризной то и дело останавливал ее проворные руки, добавляя внучке радостного восторга. Большой желтый бант на ее голове весело трясся, накатывая на Рона волну тяжелого воспоминания. Разбудораженная душа не успела сгруппироваться, чтобы отвести опасный удар. Красками свежих эмоций предательская память мгновенно отреставрировала потускневшую от времени картину рокового дня...

Глава 3

— Рон, ты идешь?

Высокий, весь в рыжих веснушках, Пол нетерпеливо трепал лямки рюкзака.

— Сейчас, — буркнул Рон.

Вечно этот Пол торопится. Человек-шарнир, всегда у него руки-ноги ходуном. Ему бы рэп читать. Ворча про себя на Пола, Рон заталкивал в рюкзак волейбольный мяч. Вчера «Скорпионы» предложили матч-реванш «Скарабеем», в команде которых Рон был лучшим подающим. Обычно такие матчи вызывали у Рона прилив самодовольства и гордости. Они хорошо подпитывали еще свеженькие восторги девчонок, продлевая славу его новых побед и украшая имя завидными прозвищами. Из многих образных сравнений «Разящая рука» льстила Рону больше других. Эта звучная добавка к имени вернее прочих отражала его внутреннюю суть — бескомпромиссную целеустремленность, редкое упрямство и решительность. Рону прочили блестящую спортивную карьеру, и он раз за разом подтверждал справедливость ожиданий громкими успехами.

Но сегодня Рон был не в своей тарелке и сам не понимал, почему. Тревога точила его душу без очевидной причины. Рону не хотелось участвовать в игре, но собственное тщеславие и обязательство перед командой глушили тревожное беспокойство.

— Наконец-то, — выдохнул возмущенно Пол, когда Рон застегнул молнию рюкзака и направился к выходу.

На волейбольной площадке настроение Рона изменилось. Приветственный визг девчонок и полные тайного знания взгляды товарищей по команде отвлекли Рона от смутных предощущений. Преимущество «Скарабеев» было неоспоримым. Мощная подача «Разящей руки» каждый раз сообщала мячу скорость, которая не оставляла противоположной стороне времени для его перехвата. Гулко ударяясь о землю, мяч отсчитывал очки в пользу «Скарабеев».

На противоположной от сетки стороне Фил Кренстон из параллельного класса весь в поту изнеможения, бесполезно топчась на месте, ждал спасительного свистка арбитра. Больше он никогда не согласится стать подменой в команде своего друга Риккардо Беруччи. Ничего себе, стой и отбивай иногда мяч! У Фила уже дважды подбит глаз, болит от неудачного падения левая рука и рвутся нервы. Когда же этот дылда в белых трусах засвистит? Ну, погоди Риккардо, тебя тоже будет ждать интересное предложение. Удар мячом по голове заставил Фила отвлечься от сладких мыслей о мести. Пока он, тараща глаза, силился в себя вернуться, судья просигналил весть о спасении.

Широко расставив ноги, с полотенцем на шее Рон сидел на скамье запасных. Разгром «Скорпионов» — теперь дело времени второго тайма. Рон великодушно предоставил возможность

сорвать аплодисменты товарищам по команде. Его вклад в неминуемую победу и так очевиден. У «Скорпионов» на скамье запасных сидел весь красный Фил Кренстон. Рон усмехнулся. И они еще на что-то надеялись?! Вместе с этим бочонком Филом им всем место в цирке, а не на волейбольной площадке. Умеет Риккардо подобрать провальную команду! Рон, прищутив глаза, рассматривал Филадельфия. Полный, неповоротливый, с сочным вторым подбородком, тугим животом, весь в подтеках от пота он был смешон в спортивных трусах и майке. И как этот пузырь еще выдержал один тайм и не сдулся! В полном расслаблении души и тела Рон продолжал наблюдать за Филом. Чуть отдышавшись, тот принялся рыться в сваленных в кучу рюкзаках, вытаскивая что-то из одного и перекладывая в другой. Наконец Фил успокоился неизвестно откуда извлеченной толстой плюшкой.

Визг, крики и аплодисменты, означающие победный финал «Скарабеев», не отвлекли Рона от его наблюдений. Машинально реагируя на рукопожатия и одобрителное хлопанье по спине, между мельканием тел довольных «Скарабеев» Рон ловил ситуацию на стороне проигравшей команды. Страсти там явно накалялись. Рэд Петерс и Пит Джекобсон — два сильных «Скорпиона», похоже, собирались сорвать досаду за проигрыш друг на друге. Слабые попытки усталого и расстроенного

Риккардо уладить дело миром закончились для него крепким ударом в плечо. Махнув рукой, Риккардо пошел прочь, разговаривая сам с собой и по-итальянски энергично жестикулируя руками. Между тем более крепкий и мускулистый Рэд теснил Пита, чем-то тыча тому в нос. Пит отступал, неловко уворачиваясь от все более настойчивой руки Рэда. Рон медленно поднялся. Его изменившийся взгляд застыл на ножницах, лежавших поверх бумаг на судейском столе...

Глава 4

— Рон, что ты делаешь?

Крик пронзительной высоты прожег Рону голову, воспламенив тлевшую где-то в глубине тяжелую массу боли. Расширяясь жаром в объеме, боль раздвигала виски, давила в затылок, в лоб, становясь все более и более невыносимой и, наконец, достигнув максимума, ударила обжигающим потоком по глазам и отпустила.

Рон с усилием разъединил спекшиеся веки и расслабил мышцы лица, сжатые в морщинистый комок. Медленно поведя вокруг взглядом, он понял, что произошло что-то странное, но не мог даже предположить, до какой степени это странное было страшным.

В глубокой тишине, вибрирующей высоким

напряжением, на Рона смотрели десятки пар глаз. Застывший в них ужас медленно оплавлялся недоумением, непониманием, неверием, несогласием со случившимся. Наконец Рон почувствовал, что снова способен воспринимать мир вокруг себя. Его первый осмысленный взгляд точно упал на Фила Кренстона, лежавшего от него в нескольких шагах. Глаза Фила остекленело смотрели вверх, из открытого рта иссыхающей струйкой сочилась кровь, кровавое пятно на желтой футболке обрамилось темно-багряным кантом. Вытекающий из-под спины Фила кровавой ручеек образовал густую лужицу, едва не касающуюся ног Рона. Рон медленно повел взгляд от своих кроссовок вверх по голням, спортивным трусам, футболке — от одного кровавого пятна к другому. Страшная догадка молнией метнулась к сжатой руке. Глухой звук от удара выпавших из руки Рона ножниц в оцепенелой тишине прозвучал ударом грома. Заплакала Кэт. В руках Пита Джекобсона откуда-то появилась бейсбольная бита. Он судорожно перекидывал ее из руки в руку, все время оглядываясь по сторонам. Девчонки сбивались в стайки. Все словно готовились к продолжению трагедии, и только Рон знал, что продолжения не будет. Он стоял, устремив глаза в землю где-то рядом с Филом, и ждал, ждал, ждал...приезда полиции. Сейчас Рон хотел только

одного — сойти с этого места. Нарастающий вой полицейской сирены звучал для него музыкой освобождения...

* * *

Предупредительно свистнув, поезд тронулся, вернув Рона в настоящее. На перроне не было ни желтого банта, ни двух больших бородавок. Успокоительная пустота разлилась по телу Рона, позволив обвиснуть натянутым нервам. Рон слушал стук колес, отсчитывающих путь пройденными рельсами. Свою дорогу жизни Рон отсчитывал годами тюрьмы. За убийство Филя Кренстона Рона осудили на десять лет. Из них два года он провел в психиатрической лечебнице. В нее он попал после душевного истязания двумя сумасшедшими, по твердому убеждению Рона, психиатрами из полицейского управления штата. Именно туда перевезли Рона через несколько дней после ареста. Одного он прозвал лупастым, другого — очкастым. Оба были невысоки ростом. Но если лупастый был похож на снеговика своей круглой лысеющей головой с выкатанными глазами, круглым туловищем, короткими ногами в вечно мятых широких штанах, то очкастый, напротив, был тонок, щупл, с редкими волосами на голове, нервным лицом с длинным носом, на котором

каким-то чудом удерживались непропорционально большие очки с толстыми линзами. Когда он их снимал, его глаза настолько резко уменьшались в размерах, что возникало впечатление диспропорции лица. Очкастый неизменно пребывал в с жилетке и рубашке с глубоко расстегнутым воротом. Лупастый и очкастый до кожного покраснения, до испарин на лысых лбах, до нервного тика у лупастого и отвратительной пузырчатой слюны на губах очкастого требовали Рона признаться в том, чего он не знал. Они поставляли ему один мотив преступления за другим, настойчиво требуя согласия с наличием в его дрянной душонке хоть какого-нибудь из них. Они отказывались верить правде Рона, которая состояла в том, что он не знал, почему убил Фила Кренстона и не помнил, как его убил.

После общения с лупастым и очкастым Рон плотно закрыл свой чувственный мир от всех душеисследователей, периодически возникавших в его жизни. В их бесцветной череде выделялся лишь доктор Трамм из центральной психиатрической лечебницы штата. Это был пожилой мужчина увесистой фигуры и обманчиво добродушным лицом. В профессии врача доктор Трамм ревностно служил самому себе. Любое исследование он производил не во благо пациента, а ради собственных устремлений. Одержимый идеей

научного открытия и следующего за ним мирового признания, Трамм превратил себя в механизм, отлажено работающий на достижение заданной цели. Пациенты были для доктора Трамма лишь средством карьерного роста, подлежащим немедленной замене в случае необеспечения расчетной скорости движения. Как ни парадоксально, но именно жесткая и жестокая расчетливость доктора Трамма сыграла в жизни Рона положительную роль.

Из странного подростка, совершившего неординарное убийство, честолюбивый врач надеялся быстро соорудить пружинистый трамплин, который с легкого толчка забросит его на большие высоты признания, наград и премий. Обостренным восприятием Рон легко уловил это отношение доктора к себе и подыгрывал ему, насколько хватало его еще детской сообразительности. Привилегия быть испытуемым самого Трамма обеспечила Рона отдельной палатой и специальным режимом содержания. Рон жил в клинике вне общего распорядка. Отсутствие лишних глаз позволяло ему имитировать прием лекарств, от которых он избавлялся, как только представлялась возможность. Умело используя словоохотливое сочувствие двух пожилых медсестер, Рон чаще всего правильно угадывал надлежащее поведение. Он демонстрировал

послушную готовность к излечению великим Траммом, понимая и принимая израненной душой бессмысленность его усилий.

С момента осознания совершенного убийства Рон чувствовал, что причина чудовищного поступка скрывается не в болезни его рассудка, а в виноватости его души, и состоит не в мотиве, а в грехе. Но Рон не помнил за собой непокаянного греха. Много раз он вспоминал свою жизнь по годам, дням, часам, минутам, но не находил в этих воспоминаниях проступка, ставшего его грехопадением в ад. Душа, оскорбленная неосознанной сразу виной, вывела это знание на уровень недостижимой тайны, черной дыры, безвозвратно поглотившей свет истины.

Больше двух лет Рон водил Трамма за нос, пока того, наконец, не постигло разочарование. Рон не мог знать, какого итога ждал от него доктор и потому не мог его сыграть, как играл результаты лечебных процедур. Осторожно экспериментируя с вариантами своего поведения, Рон пытался уловить одобрение или разочарование в глазах врача, но они всегда оставались бесстрастны.

Таковыми же равнодушными они были в тот день, когда Трамм согласно своим принципам заменил не оправдавшего надежд Рона на многообещающего Джона Шварца. Новый подопытный доктора потравил за пять лет

супружества с Риной Шварц ее саму, ее сестру, собственного ребенка и приходящую домработницу. Любящий муж, отец, деверь и приветливый работодатель в порядке очередности подмешивал яд в пищу своим жертвам, каждый раз безутешно печалась об их безвременной кончине. В отличие от Рона, у Джона Шварца ярко наличествовали признаки шизоидно-маниакального поведения, и доктор Трамм, решив, что синица в руках лучше журавля в небе, без тени сожаления выдворил Рона Митчелла из лечебницы в тюрьму с заключением о невыявленных психических отклонениях.

Двухлетняя отсрочка от тюремной камеры значила для Рона очень много. За это время он повзрослел, окреп, и, главное, успел подготовить душу к долгой пытке неволей, заледенив ее до бесчувственности. В тюрьме Рон не стал ни своим, ни чужим. Высокий, хорошо сложенный, с натренированными мускулами, с красивыми чертами лица и ясными умными глазами, Рон никак не входил в образ ограниченного убийцы, прирезавшего среди бела дня школьного товарища. Это броское несоответствие вместе с преувеличенными слухами о смертоносной ненормальности парня образовало между ним и сокамерниками дистанцию отчуждения, которая с течением времени только возрастала. В молчаливой

отстраненности от окружающей жизни Рон провел восемь тюремных лет.

Глава 5

Суетливое оживление в вагоне вернуло Рона в текущий день. Уставшие от неподвижности пассажиры охотно поднимались с мест, заранее готовясь к выходу. Рон почувствовал нарастание сердечного ритма. Он знал, что теперь не справится с этим волнением, и отпустил его разливаясь по телу пульсирующей кровью. В обратной пропорции затихающему ходу поезда нарастал шум в вагоне и сила ударов сердца Рона. Знакомый перрон, чуть проплыв мимо, замер. Рон поднялся. Секундное сомнение растаяло случайным облачком в знойном небе. Рон решительно шагнул к выходу. Он не отступит от цели.

Выйдя из вагона, Рон остановился на перроне и оглянулся по сторонам. Огромные часы на здании вокзала на старом месте и в прежнем виде — циферблат белый, стрелки черные. Небольшой магазинчик все там же, только в новом фасаде. Привычно рядом кафе с летней площадкой, только теперь она вся в цветах и с зонтиками. Рон глубоко вдохнул. И все-таки он особенный — воздух родины. Только в нем есть невыразимый вкус, необъяснимая сладость, неизъяснимая мягкость. Ты

не дышишь этим воздухом, ты его пьешь, насыщая себя оставленными здесь, но не исчезнувшими чувствами.

Тело Рона наполнялось умиротворяющим спокойствием. С этого перрона каждое лето они уезжали в гости к тете Поле и дяде Гордону в Даллас. Пока папа оформлял билеты, мама держала сыновей за руки так крепко, что у них немели пальцы. Она навязчиво боялась, что вихрь от проходящего поезда увлечет ее детей на рельсы. В общем-то так и случилось. С ним. Поезд судьбы много лет тащит его за собой, засосав однажды в свою вихревую воронку. Лишь крутой поворот может дать Рону шанс преодолеть силу этого убийственного круговорота, и он должен быть к нему готов.

Рон огляделся и понял, что стоит на перроне один. Надо двигаться. На него может смотреть не только этот вокзальный пес с облезлой шерстью и лишайными проплешинами. Рон пересек малолюдную привокзальную площадь и вышел на улицу, теперь, видимо, уже бывшую главной. Он шел медленно, трепетно замечая сохранившиеся приметы детства, счастливого до того самого дня.

Рон знал, что идет памятной дорогой последний раз. Он выполнит задуманное и уедет из родного городка, чтобы никогда в него не вернуться. Помнят ли здесь Рона Митчелла? Скорее

всего, да, но вряд ли кто-нибудь узнает его в полысевшем пожилом мужчине с глубокими морщинами на лбу и резкими складками вокруг губ. Никто не узнает в нем подростка-убийцы. Никто.

Рон остановился перед зданием школы. Он так и не доучился. Судьба вырвала из книги его жизни ворох страниц, начиная с пятнадцатой. Сначала — 10 лет, потом — 17, в сумме — вся жизнь! Скомкана и выброшена. Почему? Когда он получит ответ на этот вопрос? Кто ему ответит и как он поймет, что звучит ответ? За школьным зданием должна быть спортивная площадка, та самая, где все случилось. Идти или нет? Может быть, там и сейчас ему откроется тайна? Рон сделал шаг и замер. Убийца всегда возвращается на место преступления. Где-то услышанная или прочитанная мысль больно кольнула сердце. Рон резко развернулся. Он — не убийца. Никогда его разум не планировал чужую смерть, никогда его душа не упивалась властью над чужой жизнью, никогда он не был судьей с дарованным себе правом выносить смертный приговор. Рон — не убийца, и он это докажет, ... если успеет.

Поднявшееся волнение несколько улеглось. Рон огляделся. Теперь через парк. Именно так день за днем они возвращались домой после уроков обычно шумной компанией, как водится, дурачась, гоня мяч, дразня девчонок, точно так, как эти

мальчишки... Сентиментальные воспоминания воздушным пузырем всплыли из илистых глубин памяти и подступили к горлу. Рон сглотнул, отправляя их обратно, но мысль о том, что в парке могут быть его одноклассники, все же успела мелькнуть в сознании. Быть может, среди них есть Кэт, гуляет с внуками... Нет, хватит, довольно о прошлом! Слишком больно, и все еще свежо, как будто вчера, этот пронзительный крик...

Глава 6

— Рон, что ты делаешь?

Звонящий крик ударил Рона в затылок, прожег горячим потоком сердце и, скатившись к ногам, размягчил их до дрожащей слабости. Мысли заметались с хаотичностью вспугнутых рыб. Возникающие одна за другой за доли секунды, они бились в поисках выхода из нелогичной ситуации, свиваясь во все более тугий клубок. Рон остановился, пытаясь зацепить конечную нить растущего нагромождения. Где он находится? В каком времени? В каком возрасте? Он почти старик, тогда откуда взялась Кэт? Почему она кричит, если он не видит Фила? Если ему четырнадцать, как он отсидел два срока?

Что-то мягкое ткнулось Рону в ногу. Потеряв логику не только в мыслях, но и в движениях, Рон

неудобно согнулся пополам, вместо того чтобы просто повернуться назад. Из щели между ног на него смотрело сердитое детское лицо. Над веснушчатым носом — прищуренные глаза, над нахмуренным лбом — пук взлохмаченных волос.

— Ты первый нарушил правила.

Потерявшийся в мыслях Рон тщетно силился определить причастность к себе этого маленького человеческого существа. Неудобство положения родило, наконец, в его голове первую здравую мысль. С трудом разогнувшись, Рон вернул телу естественную прямогу, оглянулся и сразу понял ситуацию, без труда обнаружив источник крика, почти переместившего его во времени. Молодая женщина со скоростью, максимально возможной на высоких каблуках, приближалась к месту тротуарно — дорожного происшествия. Мысли Рона, потеряв причину судорожной паники, разом обмякли, рассоединились и растворились в глубинах мозга.

Он уже сделал шаг в сторону, когда подоспевшая молодая мама, сдернув ребенка с велосипеда, разразилась лавиной извинительных выражений вперемешку с обещаниями оставить его без велосипеда. Маленький нарушитель отчаянно сдерживал слезы, сжимая губы на почти плачущем лице.

— Что я могу для вас сделать?

Рон внимательно посмотрел на мать мальчика.

Отрепетированный вопрос, выверенная интонация, в глазах — ожидание вариации на тему «ничего-ничего, все в порядке».

— Не наказывайте ребенка.

Рон развернулся и пошел прочь, не видя, как на лице молодой женщины наигранное сожаление сменилось искренним недоумением.

На выходе из парка Рон замедлил шаг: эта короткая улочка станет самым трудным отрезком его длинного пути. Вот справа дом Генри Джонса. У него была самая большая в городе собака и две лысые кошки. Генри привез диковинных животных откуда-то из заграницы и очень ими кичился. То ли из-за кошек, то ли из-за вредного характера, но при наличии густой черной шевелюры Генри Джонса прозвали «Лысым». Так и осталось неясным, чьей мезтью было это обидное прозвище — детей или взрослых. Напротив Джонсов жили Смиты — Джина, Оливер и двое их детей-близнецов Джек и Ник. Рон мало с ними общался, считая мелюзгой. Сердце Рона тревожно застучало. Сейчас он пройдет мимо дома Кренстонов. Наверное, Кэт до сих пор ненавидит Рона, Дэна и всю семью Митчеллов. Кэт и Фил были очень дружны друг с другом, что не всегда свойственно старшему брату и младшей сестре. Фил великодушно снисходил до общения с малолетками из компании Кэт, время от времени выступая в роли ответственного в походах

на пляж, в кино или на пикнике. Рон ни разу не видел Кэт после убийства Фила, как не видел никого из своих друзей и одноклассников. Да и зачем это было нужно? Он знал, о чем они безмолвно будут его спрашивать, как знал и то, что не ответит на их вопрос. Рон с опаской взглянул на дом Кренстонов. После убийства Фила он не представлял себе этот дом иначе, как с черными окнами. Наяву все оказалось по-другому. Все окна были настежь распахнуты. Ветер мягко переливал нежно — кремовые шторы. Дом дышал жизнью. Рон это чувствовал, хотя двор был пуст, и за окнами не проглядывалось никакого движения. Дом притягивал Рона, завораживал ощущением тихого счастья. Медленно, очень медленно, переводя взгляд с одного окна на другое, Рон прошел мимо дома Кренстонов... или уже не Кренстонов? Скоро он это узнает. Теперь налево, и чуть наискосок через узкую дорогу.

Глава 7

Рон стоял перед дверью родного дома. Его руки заметно подрагивали, выдавая бешеную внутреннюю дрожь. Кто откроет дверь — мама или отец? Узнают или нет они сына в пожилом, почти лысом мужчине? Захотят ли впустить в дом? Что спросят? Как отвечать? Дальше медлить нельзя. Рон

решительно нажал на звонок и замер в дыхании, напряженно вслушиваясь в звуки за запертой дверью. Тихо. Еще секунда тишины, другая, еще одна. Неужели...? Щелкнул замок. Дверь мягко отошла чуть внутрь. Рон вошел в дом.

Внутри все оказалось так и в то же время не так, как он представлял себе много раз. В небольшом холле почти все по-старому. Знакомые вещи в привычном порядке. Кажется, другие стулья и ковер, хотя, быть может, он просто выцвел. Все тот же стол, зеркало, этажерка теперь с пустыми полками. На окнах другие шторы, но все с тем же любимым мамой узором морозных кружев. Как тихо, как будто в доме нет жизни, но кто-то же открыл дверь! Оглядывая комнату, Рон подошел к лестнице на второй этаж. Совсем старая, с перекошенными перилами, со стесанными ступенями. Видно, давно не знала ремонта. По ней можно еще подняться? Тот, кто открыл дверь, наверху. Открыл, значит, узнал, ошпарила Рона догадка, ставшая очевидной только сейчас. Мама, отец, Дэн — кто? Кто узнал в нем четырнадцатилетнего Рона? Сердце рвалось в бешеном стуке. Рон взялся за перила. Двадцать семь, двадцать семь лет вне этих стен, вне этого города, вне жизни!

Рон медленно пошел наверх, лестничные ступени под тяжелой поступью осторожно

покряхтывали, словно страшись нарушить тишину. Поднявшись на второй этаж, Рон окинул взглядом коридор. Его комната и комната Дэна заперты. Рон подошел к комнате для гостей, приоткрыл дверь, заглянул внутрь. Никого. Осталась небольшая гостиная, которую они все так любили. Рон пошел вглубь коридора, неотрывно глядя на узкую полоску света, выбивающуюся из приоткрытой двери. Главное, не остановиться, не дать трепещущей воле потерять последние силы. Не позволив себе ни секунды задержаться на пороге, Рон толкнул дверь и шагнул внутрь.

Глава 8

— Здравствуй, Рон.

— Мама!

От неожиданности Рон остановился сразу за дверью. Лиза Митчелл сидела в своем любимом кресле у окна. В нем она перештопала десятки носков, передумала тысячи дум, утерла миллионы слезинок. В морщинах лицо, поблекшие глаза, седые волосы, темное длинное платье. Старая женщина взглянула на Рона спокойно, очень спокойно, в уставших глазах не было ни удивления, ни упрека.

— Я ждала тебя, Рон... Каждый день после тех десяти лет.

— Прости меня, мама.

В наступившей тишине мать и сын долго молча смотрели друг на друга, каждый — из своей жизни.

— Эти семнадцать лет, Рон, ты... был...

— Да, мама, в тюрьме.

— Ты... снова...

— Убил.

Оба замолчали. Взгляд Лизы устремился поверх головы сына в собственные мысли. Все годы она знала ответы на эти главные вопросы и все-таки надеялась на чудо другой правды.

Рон неотрывно смотрел на Лизу. Он никогда не чувствовал такой душевной близости с матерью, какую испытывал сейчас. Ему казалось, он ощущает движение ее мыслей, каждый всплеск растревоженных чувств.

«Почему она не позовет меня к себе? — думал Рон, всматриваясь в ставшее другим лицо матери. — Боится, что могу убить или видит чужую кровь на моих руках. Как бы встретил меня отец?».

— Отец умер десять лет назад. Сердце.

Рон вздрогнул. Значит, это не только его ощущение. Мать чувствует его с той же интуитивной тонкостью, что и он. Они расстались так внезапно, они столько лет не виделись, они прожили разные жизни, но ничто не смогло прервать эту непостижимую связь между матерью и

ребенком. Рон вспомнил отца, попробовал представить его в пожилом возрасте. Нет, для него он всегда останется молодым, молодым и властным.

«Почему он не подходит ко мне? — думала Лиза, всматриваясь в изменившееся лицо своего мальчика, которого она двадцать семь лет назад привычно проводила в школу, а назад не встретила. — Боится, что может убить или думает, что я вижу чужую кровь на его руках? Почему он не спросил о Дэне?»

— Мама, а Дэн...

— Не говорит. Мы научились понимать его без слов.

Разговор снова прервался. Он был странным, с ответами на незаданные вопросы и в то же время глубоко логичным в стремлении матери и сына уберечь друг друга от тех слов, которые каждому страшно произнести вслух.

— После того дня, мама, к нашей семье относились...

— Плохо, Рон, очень плохо. Как они на нас смотрели, как смотрели... Мне кажется, я до сих пор в ожогах.

— Сколько же лет, мама?

— Долго, пока Кэт не вышла замуж за Дэна.

— Кэт за Дэна?

— Она спасла нас, Рон. Когда они

поженились, в нас перестали видеть...

— Убийц.

— Да, Рон. Мы снова стали людьми.

Кэт вошла в семью убийцы брата! Вошла с любовью вместо ненависти! Рон ошарашено смотрел на Лизу, видя лицо матери через колышущиеся кремовые шторы на окнах дома Кренстонов. Кэт замужем за Дэном! Рон понял, притягательность какой силы испытал у дома Кренстонов. Заледеневшая душа Рона жадно потянулась к спасительному теплу всепрощающей любви.

— Мама, Дэн и Кэт... они живут...

— Нет, не в доме Кренстонов. У них своя пасека во Флориде. Приезжают редко.

— А... в доме.

— Родители Кэт и ее кузен с семьей. Они переехали из Мичигана. Мы почти не видимся.

— Дэн не стал математиком.

— Они с Кэт решили все изменить, чтобы жить дальше.

— Они счастливы?

— Да, они любят друг друга.

— А дети?

— Трое. Младший Ричард очень талантлив.

— Дэн видит его великим математиком?

— Они с Кэт мечтают об этом.

— Мама, ты все время одна?

— Кроме двух раз в неделю, когда приходит патронажная сестра.

— А что потом, мама?

— Это решать вам с Дэном.

— Нам с Дэном?

— Отец завещал дом вам двоим.

— Нам двоим?...Я думал...отец...после того дня...

— Нет, Рон, ты для него остался сыном, любимым, как и прежде. Он считал это роковой случайностью, он верил — твоя душа не в крови.

— Он верил в это до конца?

— До самого конца, Рон.

Отец верил до самого конца! Верил, одиноко приняв на себя всю мощь общественного порицания. Дэна спасла немота. Мать — стены дома. И только отец каждый день после случившегося продолжал ходить на работу. Рон легко представил отца, высокого, прямого, бесстрастно холодного и с жарко кровоточащим от боли сердцем, с изнывающей от безответных вопросов душой. А Дэн? Простил ли Дэн Рона? Да имеет ли право Рон просить прощения у Дэна, имеет ли право вообще напоминать о себе?

— Мама, когда ты увидишься с Дэном,...я хочу попросить тебя...вообщем...

— Я не скажу, что ты приезжал, Рон.

— Спасибо, мама.

За окном тихо покачивал ветвями дуб. Это дерево они посадили всей семьей, когда купили дом. Посадили на счастье. Рон чувствовал, как слабеют тиски, сжимавшие его сердце страхом быть отвергнутым от родного дома. Он напрасно боялся. Мать и отец ждали Рона все долгие годы неведения о его судьбе, ждали и не верили в жестокий умысел совершенного им убийства.

— Рон...

— Мама?!

Рон не заметил, как подошла Лиза.

— Бедный мой мальчик.

Лиза взяла Рона за руки, погладила по волосам, провела по щекам, как в детстве, когда успокаивала после обиды или неудачи. В эти минуты маленький Рон всегда плакал, размягчая и смывая слезами все коросты с души, но сейчас глаза Рона оставались сухими.

— Почему ты не плачешь, Рон?

— Я больше не умею, мама...Моя душа... застыла.

— Она отгадет, Рон. Ты снова научишься плакать.

Лиза обняла Рона, и он прижался к ней, как в детстве, изо всех сил.

— Мама, прости меня, я не хотел, никогда... никогда этого не хотел.

— Я знаю, Рон. Это было свыше.

— Я до сих пор не нашел ответа, мама, до сих пор не нашел.

— Ты подошел к нему совсем близко, Рон.

От неожиданности услышанного Рон резко отстранился от Лизы, но в глазах матери он не увидел успокоительной лжи — только твердую уверенность в истинности произнесенных слов.

— Откуда ты знаешь, мама?

— Я чувствую.

Лиза и Рон снова замерли в молчании, только их глаза растворялись друг в друге в жадном стремлении зримыми образами наполнить оскудевшую за долгие годы память.

— Мама, я сегодня счастлив. Впервые за столько лет, ... впервые после детства.

— Это твой знак, Рон. Ты знаешь, куда идешь... Не останавливайся.

— Мама... я... я...

— Знаю, Рон... Ты больше не вернешься.

— Прости, меня, мама.

— Я люблю, тебя, Рон. Я верю в тебя... И я снова буду ждать тебя, Рон, каждый день буду ждать.

Рон не слышал последних слов матери. Лиза произнесла их в пустоту дверного проема, через который ее любимый мальчик вернулся в свою жизнь, которой Лиза никогда не знала, но которую наполняла каждый день своей любовью, верой и

надеждой.

* * *

Рон с трудом переставлял ноги, с усилием подчиняя себе размякшее тело. За много лет он впервые чувствовал себя легко и свободно, так что с трудом управлял собой в этом забытом состоянии. Люди, дома, машины отстранились в другое бытие, а в этом был только Рон с мыслями о матери, Дэне, о будущем. Рон не видел, как с другой стороны дороги, лавируя между движущимися машинами, к нему прорывалась недавняя знакомая.

— Простите, Вы должны меня помнить... Рон, мой сын, он чуть не сбил вас на велосипеде.

— Что?

Рон с трудом возвращался в реальность.

— Я хотела спросить.

— Что спросить?

— Пожалуйста, остановитесь, мне так нужен ответ на этот вопрос.

Рон остановился и, наконец, осмысленными глазами посмотрел на женщину, узнав в ней случайную знакомую.

— Пожалуйста, ответьте, почему вы просили не наказывать ребенка?

Рон смотрел на женщину и внутренне удивлялся странности ситуации. Он, дважды

убийца с тюремным стажем, давно не живший обычной жизнью, не имевший собственной семьи, не знавший отцовских чувств, вдруг стал надеждой на спасение чужого счастья, на создание новых отношений между матерью и сыном, более полных любовью и пониманием, чем прежде.

— Он не виноват.

— Как не виноват? — удивилась женщина. — Он вас чуть не сбил, он летел с такой скоростью..., я всегда прошу его не кататься так, а он все равно...

— Это был случай.

— Ну и что?

— Не позволяйте случаю менять вашу жизнь.

— Не позволять... Я не понимаю, — женщина беспомощно посмотрела на Рона.

— Об этом надо думать...

Рон обогнул застывшую в недоумении женщину и быстро пошел прочь, прибавляя шаг.

Он обязан успеть.

Глава 9

— Прошу вас, господин Митчелл, — полненькая и хорошенькая Джудит Майси лучилась любезностью, белоснежными зубами и заколкой в пышных светлых волосах. — Чай, кофе, вода?

— Нет, спасибо.

— Господин Гиббс скоро освободится.

Рон понимающе кивнул и поудобнее раскинулся на кресле. Известный психиатр Мартин Гиббс принимал на пятнадцатом этаже небоскреба в самом центре города. Громадные окна большой приемной заливала не тронутая ни единым облаком небесная синь, моментально завладевшая взглядом Рона. Он любил небесное безмолвие. Его тоскующей мечтой было желание раствориться в этой синей бездне, безвозвратно кануть в глубине холодного простора. Только там он мог бы стать свободным от ежедневной угрозы, коварно скрытой в суетности земного бытия.

— Господин Митчелл, пожалуйста, доктор ждет вас, — очаровательно сверкнув ровным рядом зубов, премиленькая Джудит распахнула перед Роном дверь в кабинет.

— Добрый день, господин Митчелл.

Доктор Мартин Гиббс, тридцати пяти лет, одетый в дорогой костюм, стоял посередине комнаты с роскошной обстановкой в радушно-приветственной позе. Он был невысок ростом, ослепительно белокож, глубоко черноглаз и иссиня черноволос.

— Буду рад вам помочь.

Доктор Гиббс был высокопрофессионален как врач, успешен в частной практике, поэтому дорог и самоуверен. Но главное, он не соответствовал ни одному из тех типажей психиатров, на которые у

Рона срабатывал рефлекс отторжения.

— Прошу вас сюда.

Доктор усадил Рона на мягкий диванчик и сам удобно устроился в кресле, напротив.

— Джудит, — доктор нажал клавишу на устройстве внутренней связи, — два абрикосовых сока. Прошу вас, не отказывайтесь, — эти слова уже были обращены к Рону, — изумительный букет вкуса и запаха.

Рон согласно кивнул. Джудит неслышно выплыла в кабинет, изящным движением руки поставила поднос из цветного стекла с двумя стаканами из тончайшего хрусталя на стол и также неслышно выплыла наружу.

— Теперь я весь ваш, — произнес Мартин, отсмаковав первый глоток золотистого напитка. Он откинулся на спинку кресла и легко заскользил по Рону взглядом из-под чуть припущенных век. Рон глубоко внутренне вздохнул и благодарно принял предложенную паузу. В кабинете повисла мягкая тишина. Глаза Рона привычно потянулись к небесной синеве в красивом обрамлении оконной рамы.

От минутного забытья Рон очнулся с той же резкостью, с какой отдергивают от цветка руку, внезапно ужаленную пчелой. Черные глаза Мартина безжалостно ввинчивались в светлые Рона, уходя через них в глубины оставленных

открытыми чувств.

Это был один из самых успешных приемов доктора Гиббса. Расслабив пациента, он резко менял ситуацию, цепляя профессиональным взглядом мельчайшие нюансы поведения обескураженного человека. Рон растерялся, не став исключением из всех попавшихся на умелую провокацию доктора. Он поерзал на кресле, зачем-то оглянулся назад, оттянул воротничок рубашки, провел рукой за ухом. Возникшее смятение длилось не более минуты. Рон довольно быстро овладел собой, и Мартин Гиббс это тотчас для себя отметил. Оценив хитрость доктора и внутренне усмехнувшись своей растерянной суетливости, Рон прямо посмотрел на Мартина, глаза которого вновь были полны ласкового участия.

— Доктор, я убиваю людей.

Ответный ход Рона был подобен внезапно выпущенной стреле. Воздух тихо занял отпущенной тетивой. Теперь Рон внимательно наблюдал за своим визави.

Блестящий профессионал Мартин Гиббс удержал на лице улыбку. За несколько секунд вновь наступившей паузы в его голове вихрем пронеслись все возможные варианты ответов, но ни один из них не вписался в логику предложенного Роном разговора. Психологические приемы, выверенные

годами успешной практики, в один момент из рабочей системы превратились в груды бесполезных обломков.

— Сколько человек вы убили?

Мартин принял жесткую прямоу Рона.

— Двоих.

— Вы были судимы?

— Оба раза.

— Вы отбыли наказание?

— Полностью.

— Ваш возраст в первое убийство?

— Четырнадцать.

— Сколько лет тюрьмы?

— Десять.

— Второе убийство?

— В двадцать четыре.

— Срок?

— Семнадцать.

— Время между первым освобождением и вторым убийством?

— Семь дней.

— Сколько вам лет? — тихо спросил Мартин, уже все поняв.

— Сорок один.

— Сколько дней назад вы вышли из тюрьмы?

— Три.

За все время разговора Мартин впервые отвел глаза в сторону. Он должен передохнуть, поймать

за эти секунды отрешенности правильную мысль, но все мысли упрямо складывались в четырехугольные формы, образуя с цифрой три эклектическое семизначное сочетание. Поняв пустоту затеи хладнокровного здравомыслия, Мартин прямо посмотрел на Рона.

— Чего вы от меня хотите?

— Помощи.

— За четыре дня?

— Дней может быть меньше...или больше. Я не знаю.

— Это невозможно, — словно для большей убедительности Мартин приподнялся в кресле в сторону Рона. — Это невысказано. Я профессиональный психиатр. Я не ворожей. Я не заговариваю. Я лечу. Я — врач.

— Поэтому я здесь.

В возбуждении Мартин выпрыгнул из кресла и нервно заходил по комнате. Этот человек ждет от него помощи, но как, как Мартин может ему помочь? Что может сделать в этом странном случае? Ясно одно — Рон Митчелл смертельно опасен! Любая ошибка может лично для Мартина повлечь непредсказуемые последствия. Ошибка? Какая ошибка? В чем ошибка? В какой схеме действий? Такой схемы нет! Аналогов в практике Мартина не было. О чем он вообще сейчас думает? За много лет успешной работы Мартин впервые

ощутил себя бестолковым дилетантом, беспомощным от собственного незнания. Он остановился и внимательно посмотрел на Рона. Ясные глаза, умный взгляд. В чертах лица — благородство. Отлично сложен. Нет, он не преступник, не хладнокровный убийца, как же он выжил в тюрьме? Что уберегло его от беспощадности тюремных нравов? Ощущение затаившейся в нем смерти? Сложный, слишком сложный случай, чтобы искать верную тактику на ходу, нет, на бегу, в неравной гонке со стремительным временем. Мартин Гиббс сел за свой стол. Он принял решение.

— Господин Митчелл, боюсь, я не в силах вам помочь.

Несколько секунд Рон спокойно смотрел на Мартина. Слегка ударив руками по подлокотникам кресла, Рон понимающе кивнул головой.

— Я надеялся, доктор, что вы настоящий исследователь грешных душ. Но быть в большей степени коммерсантом — ваше право.

— Господин Митчелл, противник, которого вы мне предлагаете, слишком опасен, чтобы бороться с ним вслепую. Он опасен и для вас, и для меня.

Рон поднялся с кресла. Окинув взглядом кабинет доктора, он остановился глазами на столе из ценной породы дерева. Рона привлекла

фотография в красивой декорации. Без сомнения, на ней дети доктора. Несмотря на расстояние в несколько метров, Рон разглядел двоих малолетних мальчиков, похоже, близнецов, и почти взрослую дочь. У всех троих жгуче черные глаза. Голову девушки венчает воронья копна волос. Мартин перехватил взгляд Рона. В их встретившихся глазах неловко столкнулись одинаковые мысли, но ни один из них не отвел взгляда. Молча они смотрели друг на друга. В застывшей тишине слышался только ход больших настенных часов, бесстрастно отсчитывающих время, суть которого — в беспощадной бесповоротности событий, в жестокой невозвратности упущенного.

— Я был готов и к такому ответу тоже, — Рон взглянул на часы. — Вы правы, доктор, сложно бороться с тем, кого ты никогда не сумеешь увидеть, чтобы узнать и понять.

Мартин ничего не ответил. Он по-прежнему смотрел на Рона. По интонации голоса, по едва уловимым отблескам глубинных мыслей и чувств в его глазах Мартин понял, что Рон должен сказать сейчас нечто важное. Мартин ждал.

— Вы совершенно правы, доктор, я не знаю, какая сила мной движет. Я не знаю первопричины зла, которое творю. Я не хочу убивать, но я убил и знаю, что снова убью. И мне неизвестно, кого, когда и как. Это случится, когда жертва, кто угодно —

женщина, старик, ребенок — каким-то непостижимым мне образом окажется в моей ситуации, вместе со мной в тех обстоятельствах, в которых я буду должен убить, убить вне своей воли, убить в полном затмении разума... Я надеялся, доктор, что вы другой... но у меня нет права на обиду или осуждение. Это ваш выбор, и я отношусь к нему с пониманием. Был рад знакомству, господин Гиббс.

Кивнув в знак прощания, Рон вышел из кабинета. Мартин, минуту поколебавшись, быстрым движением руки схватил телефонную трубку.

Рон медленно шел по коридору, перебирая в уме имена других психиатров, о которых он узнал в поисках того, кто мог бы ему помочь. Из их большого числа только трое, не считая, Мартина Гиббса, заинтересовали Рона. Генрих Шрейер, немец по происхождению. Пенсионный возраст, множество трудов, звания, премии. Много положительных результатов, но все плюсы в одном секторе. Вряд ли он свернет с проторенной дорожки на нехоженую тропу. Ева Бойль, известная дама в медицинских кругах, оригинальная, смелая, дерзкая, всегда готовая изменить и свои, и чужие стандарты, но, к сожалению, занимающаяся сдвигами исключительно в женских умах. Майк Честер. К нему, как и к Мартину Гиббсу, Рон

присматривался особенно тщательно. Молод, амбициозен, одно из научных пристрастий — серийные убийцы. Майк Честер помог полиции выйти на след психопата, убивавшего женщин с короткими, почти мужскими стрижками. Несмотря на молодость, Майк — признанный авторитет в научных кругах. Он напорист, порой до рискованности, но нет в нем того, что Рон увидел, вернее даже не увидел, а ощутил в Мартине Гиббсе — тайного знания в глубоких черных глазах о связи небесного и земного, живого и мертвого, прошлого и будущего. Мартин особенный. Рон чувствовал это, потому что сам был такой. Каждый из них по-своему отмечен божьим знаком. Смыслом жизни Рона стало познание смертного греха и поиск его искупления. Предназначение Мартина — реконструкция грешных душ из обломков, оказавшихся по разные стороны от границы между светом и тьмой.

На панели управления лифтом вспыхнула кнопка первого этажа. Рон вышел из кабины и направился к выходу через просторный холл, сияющий мрамором пола и хрусталем люстр. Погруженный в собственные мысли Рон не замечал пристального взгляда охранника, неотрывно наблюдающего за его приближением. Когда Рон почти пересек холл, мужчина поднялся с места и встал спиной к выходу, заложив руки за грубый